

О. В. Спиридовский О. V. Spiridovsky
Воронеж, Россия Voronezh, Russia

**УСТОЙЧИВОСТЬ И ДИНАМИЧНОСТЬ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**STEADINESS AND CHANGE
IN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. *Анализируется президентский политический дискурс в американской лингвокультуре с точки зрения институционального подхода. Доказывается, что данный вид дискурса развивается под воздействием двух тенденций — борьбы за властные ресурсы и сохранения порядка их распределения. Рассматриваются наиболее типичные жанры и дискурсивные стратегии, обеспечивающие формирование этих тенденций.*

Abstract. *The article is aimed at the analysis of the American presidential political discourse as one of the institutional types of discourse. The author proves that the development of the presidential discourse is primarily determined by two tendencies – towards competing for political power and towards minimizing the risks of losing it. Typical genres and discourse strategies that shape these two tendencies are also studied.*

Ключевые слова: политический дискурс; президентская коммуникация; фатическое общение; агональность; интертекстуальность.

Key words: political discourse; presidential communication; phatic communication; competitiveness; intertextuality.

Сведения об авторе: Спиридовский Олег Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации.

About the author: Spiridovsky Oleg Vladimirovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Translation and Intercultural Communication.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Place of employment: Voronezh State University.

Контактная информация: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, корпус 2, к. 110.
e-mail: olegspirid@mail.ru.

Как известно, сложноорганизованные социальные системы отличаются консерватизмом, устойчивостью, стремлением к сохранению существующих принципов и механизмов функционирования. Еще Т. Гоббс высказывал мысль о том, что общество отличается от природы прежде всего наличием социальной организации и социального порядка. Именно эта особенность позволяет предсказуемо регулировать поведение людей и координировать их совместные действия, причем последнее становится возможным благодаря коммуникативным способностям человека [Кашкин 2007: 96—97; Политология 2008: 178—179]. В ряде социальных сфер (религиозной, юридической, политической) тенденция к консерватизму проявляется в цикличности коммуникативных событий, повторяемости дискурсивных практик [Бурдые 1993; Карасик 2002], обеспечивающих предсказуемое развитие социальной системы, т. е. такое развитие, которое не отменяет ее основные сущностные свойства, не изменяет принципиальным образом распределение ролей и функций между участниками социального взаимодействия.

Для раскрытия этого явления вводятся понятия габитуса (П. Бурдые), ритуальной коммуникации (В. И. Карасик), фатического общения (Р. О. Яковсон). В частности, П. Бурдые манифестирует понятие габитуса как одно из базовых для своей социологической концепции. Автор понимает под этим терми-

ном систему диспозиций, позволяющую «агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации» [Бурдые 1993: 12]. В концепции П. Бурдые габитус, по сути, является результатом социализации индивида, усвоения им не только эксплицитных, но и имплицитных принципов поведения, формирования готовности и склонности действовать определенным — тем, а не другим — способом. В. И. Карасик тот же смысл вкладывает в понятие социального ритуала, указывая на то, что последний предназначен для закрепления постоянных характеристик представителей определенной социальной группы — этноса, конфессии, малой группы, осознающей свою групповую идентичность. Вследствие этого ритуал не подвержен изменению [Карасик 2002: 397]. Наконец, Р. О. Яковсон, создатель известной функциональной модели коммуникации, в свое время предложил использовать термин «фатическая коммуникация» для обозначения ситуаций общения, в которых его участники в большей степени сосредоточены на поддержании коммуникации неинформативного характера, чем на передаче информации друг другу, заинтересованы в поиске психологической связи (курсив наш. — О. С.), обуславливающей «возможность установить и поддерживать коммуникацию» [Яковсон 1975: 198]. Нам представляется, что такой характер комму-

никации объясняется желанием утвердить интегративное, объединительное начало общения как фундаментальное условие развития коммуникативных систем и их субъектов (единичных и коллективных). Таким образом, названные выше авторы едины в том, что часто коммуникация выступает в качестве способа поддержания необходимых и выгодных той или иной стороне (или несколькими сторонам) отношений и статусов.

Попытки моделирования развития политической системы приводят исследователей к признанию особой роли времени в политике. Так, используя институциональную объяснительную схему Д. Норта, М. А. Андрущенко и А. Л. Якубина, утверждают, что для раскрытия феномена политического времени важен такой концепт, как «зависимость от ранее пройденного пути» (англ. “*path dependence*”). Названные авторы указывают, что люди, выбравшие когда-то один определенный путь, становятся заложниками своего прошлого выбора и не могут впоследствии свернуть с этого пути [Андрущенко, Якубин 2009: 70]. Впрочем, выбор пути — это главный шаг в формировании институтов общества, глобальная задача которых заключается в противодействии хаосу и снижении непредсказуемости развития в той или иной социальной сфере [North 1990]. Таким образом, несмотря на неизбежные ограничения поведения людей, институты способствуют профилактике неопределенности во взаимодействии между коммуникантами и структурируют коммуникативное пространство.

С нашей точки зрения, особенно очевидным такой способ использования возможностей институциональной коммуникации становится в ситуации политического общения — в политическом дискурсе, предлагающем традиционные форматы и жанры стандартного модуса общения. Специфика политического общения заключается в первую очередь в том, что большинство действий в сфере политики подчинены главной интенции — расширению властных ресурсов и сохранению механизмов контроля над ними. Далеко не последнюю роль в достижении этой цели играют коммуникативные средства, с помощью которых поддерживается необходимый имидж ключевых участников политического процесса, укрепляется авторитетность их мнений и слов. Умелое и эффективное использование дискурсивных средств в политике создает эффект фидеистичности, веры в магию слова политического лидера, а значит, помогает пролонгировать его право приоритета на речь и действие. Таким образом происходит накопление

политического капитала, о котором П. Бурдье писал как о форме символического капитала, основанного на вере и признании, возникающих в результате бесчисленных операций, «с помощью которых агенты наделяют человека той самой властью, которую они за ним признают. Это власть, которая существует лишь потому, что тот, кто ей подчиняется, верит, что она существует» [Бурдье 1993: 208—209]. Вполне естественно, что такой своеобразный кредит в виде вложения доверия обладает очень высокой ценностью для участников политического процесса, им дорожат и, следовательно, стараются не допустить его уменьшения или даже изменения.

Далее мы проанализируем способы сохранения этого кредита и ситуации, которые, напротив, допускают изменение ценностей и приоритетов в политическом дискурсе. Предметом исследования выступит американский президентский дискурс, известный своей политической культурой с богатым наследием и традициями формирования политического пространства.

Одним из подтверждений особого статуса президентского политического дискурса в США является активное использование интертекстуальных ссылок и включений в речах американских президентов или в дискурсе о президентстве. На наш взгляд, **интертекстуальность как категория политического дискурса** должна быть рассмотрена и в качестве способа поддержания его устойчивости, поскольку эта категория обладает рядом особенностей, позволяющих преодолевать или делать весьма условными границы между текстами и их авторами.

В современной лингвистике текста к общепризнанным положениям относится утверждение о том, что текст представляет собой не автономный результат творчества конкретного автора, а скорее итог диалогического взаимодействия нескольких текстов. В таком понимании новизна и оригинальность текста ставятся под сомнение, поскольку сам текст рассматривается как область пересечения предыдущих, уже составленных кем-то ранее текстов (речь в данном случае идет не только о художественной сфере, но и о самых разных социальных сферах — научной, юридической, религиозной, политической и т. д.).

При этом очевидно, что возникновение текста как результата диалога других текстов невозможно объяснить сугубо языковыми факторами: причины феномена интертекстуальности следует искать во внеязыковой, внетекстовой среде, которая конструирует среду словесную и текстовую. Если ин-

тертекстуальная цитация является осознанным замыслом автора, можно говорить о том, что в ее основе лежит стремление добиться определенного дискурсивного эффекта, иллокутивных последствий: слова произносятся не просто так, а ради достижения конкретной цели.

Для раскрытия темы статьи необходимо ответить на вопрос о том, какие цели интертекстуальная цитация преследует в политическом дискурсе. Отталкиваясь от модели политической коммуникации Е. И. Шейгал, согласно которой функциональная структура семиотического пространства политического дискурса организуется триадой «интеграция — ориентация — агональность» [Шейгал 2004], отметим, что главная интенция политического общения — борьба за власть — вряд ли может постоянно управлять всеми действиями политиков. Более корректно, на наш взгляд, вести речь об актуализации этой интенции на определенных этапах политической жизни (например, в ходе предвыборной кампании). В остальное время действия субъектов политической коммуникации (в особенности близких к властным ресурсам) мотивированы необходимостью поддерживать сложившуюся систему отношений и статусов, сохранять собственное место в этой системе. Нам представляется, что именно это стремление определяет и речевые действия политиков, в частности те из них, которые имеют интертекстуальную основу. Интертекстуальные средства способствуют укреплению авторитетности политиков, повышают доверие к их словам.

Интересно проследить, какой тип авторства является наиболее востребованным в рассматриваемом виде дискурса, на кого ссылаются в своей риторике ведущие политики США, т. е. при помощи каких авторов эти лидеры укрепляют собственный политический авторитет.

В американском президентском дискурсе значимы предшественники современных президентов — президенты прошлых лет. Ссылки на них количественно доминируют в нашем корпусе примеров интертекстуальности. Ярче всего это демонстрирует президентская клятва — предельно жестко фиксированное риторическое произведение, повторяемое президентами со времен Джорджа Вашингтона. Неизменная клятва сопровождает легитимный переход власти от старого главы государства к новому и, следовательно, подчеркивает авторитетность последнего: на его стороне законность и опыт предшественников. В 1985 г. президент Рональд Рейган, произнося свое второе инаугурационное обращение, заявляет: *This is, as Sena-*

tor Mathias told us, the 50th time that we the people have celebrated this historic occasion. When the first President, George Washington, placed his hand upon the Bible, he stood less than a single day's journey by horseback from raw, untamed wilderness. There were 4 million Americans in a union of 13 States. Today we are 60 times as many in a union of 50 States. So much has changed. And yet we stand together as we did two centuries ago (21 янв. 1985 г.).

Эти слова убеждают аудиторию в том, что обязательным условием вступления президента в должность служат декларация преемственности и уважение к истории своей страны. С нашей точки зрения, данный пример подтверждает предположения не только об интертекстуальности, но и — шире — об интердискурсивности, интерсобытийности коммуникативного процесса [Кашкин 2010: 103]. Событие инаугурационного обращения воспроизводит не только текст, но и сюжет вступления президента в должность.

Инаугурационная речь Барака Обамы 20 января 2009 г. содержит также массу других указаний на богатые традиции США, которые убеждают массового адресата в неразрывной связи истории страны и ее современности. Президент подчеркивает, что американские успехи сегодня становятся возможными благодаря усилиям предков — первых переселенцев из Европы: *Time and again these men and women struggled and sacrificed and worked till their hands were raw so that we might live a better life... This is the journey we continue today.*

Б. Обама говорит и о том, как важно хранить верность идеалам и ценностям отцов-основателей Америки, передаваемым из поколения в поколение: *Those ideals still light the world, and we will not give them up for expedience sake.*

Уже в начале обращения акцентируется внимание на преемственности идей как основной особенности развития американского общества. Эта преемственность выражается и грамматически: президент использует время *Present Perfect* для сообщения о тех ситуациях, которые были характерны для прошлого страны и сохранились в настоящем, например: *Forty-four Americans **have now taken** the presidential oath. The words **have been spoken** during rising tides of prosperity and the still waters of peace. Yet, every so often, the oath is taken amidst gathering clouds and raging storms. At these moments, America **has carried on** not simply because of the skill or vision of those in high office, but because we, the people, **have remained** faithful to the ideals of our forebears and true to our founding documents. So it **has***

been; so it must be with this generation of Americans.

Билл Клинтон в своем первом инаугурационном обращении апеллирует к эпохе Томаса Джефферсона, третьего президента США, активного составителя конституции страны, для того чтобы оправдать свои реформы и укрепить собственный авторитет ссылкой на слова одного из отцов-основателей страны: *Thomas Jefferson would say to his nation that to preserve the very foundations of our nation, we would need dramatic change from time to time.* Однако, как мы видим, имя и авторитет Т. Джефферсона использованы для продвижения идеи перемен, стремления к изменениям, назревшим, по мнению президента Б. Клинтона, в американском обществе 90-х гг. прошлого столетия. В этом заключается, на наш взгляд, сущность риторики большинства национальных лидеров, ищущих баланс между сохранением традиций и внесением положительных изменений в жизнь своего народа, поскольку одного сбережения традиционных ценностей всё же оказывается мало для того, чтобы работа президента могла быть признана по-настоящему успешной.

Высокий коммуникативный статус института президентства в США подтверждается и тем уважением, которым пользуются лидеры страны вне зависимости от партийной принадлежности и проводимой политики. Так, в своем первом ежегодном послании конгрессу США в 2001 г. президент Джордж Буш-младший апеллирует к опыту своих предшественников, представлявших разные политические партии: *Forty years ago and then twenty years ago, two Presidents, one Democrat and one Republican, John F. Kennedy and Ronald Reagan, advocated tax cuts to, in President Kennedy's words, "get this country moving again." They knew then, what we must do now, to create economic growth and opportunity, we must put money back into the hands of the people who buy goods and create jobs* (State of the Union Address, 27 февр. 2001 г.). Ссылка на опыт Дж. Кеннеди и Р. Рейгана призвана аргументировать позицию Дж.Буша-мл. относительно ослабления налогового бремени для американских граждан.

В целом можно утверждать, что ссылки на президентов-предшественников — это весьма распространенный прием, который, очевидно, помогает президентам повысить авторитетность своего слова, а также обеспечить некую преемственность передачи власти в стране, поскольку такая интертекстуальность в рамках президентских речей, доносимая до граждан СМИ, создает общее

дискурсивное пространство, которое разделяют президенты США, а вместе с ними и американский народ.

Существенное место в американском президентском дискурсе занимают также ссылки на выдающихся мыслителей, общественных деятелей, политиков, реформаторов. Прецедентным (т. е. значимым в познавательном и эмоциональном отношении и регулярно воспроизводимым благодаря этому) именем для данного дискурса является имя Мартина Лютера Kinga, а прецедентным текстом — его речь, построенная на анафоре «I have a dream».

Б. Обама в контексте современных реалий заявляет о своей верности идеалу американской мечты, большая роль в создании которого принадлежала представителям Демократической партии США во второй половине XX в., одним из которых, бесспорно, являлся Генеральный прокурор США, сенатор Роберт Кеннеди. К его словам обращается президент Б. Обама: *The future is ours to win. But to get there, we can't just stand still. As Robert Kennedy told us, "The future is not a gift. It is an achievement"* (25 янв. 2011 г.).

Таким образом, категория интертекстуальности в президентском дискурсе США реализуется в виде стремления к идентификации агентов политики и к сплочению «своих» в политическом пространстве в рамках базовой семиотической оппозиции «свои — чужие». Апеллирование к словам, именам, событиям и концептам, широко известным в лингвокультуре США, способствует повышению коммуникативного статуса и политического авторитета лидера страны.

Говоря о преемственности идей, программ и политических курсов в пространстве политического дискурса в США, нельзя не назвать и отдельный тип жанров, предназначенный для закрепления иерархии в социуме, сплочения, интеграции максимально большого числа участников политического общения в единую группу. Речь идет о ритуальных (фатических) жанрах коммуникации, занимающих существенную часть пространства политического дискурса и поддерживающих **устойчивость политического дискурса**. К их числу можно отнести (применительно к американской политической культуре) инаугурационную речь (Inaugural Address) и традиционное суботнее президентское обращение [Спиридовский 2011; Шейгал 2004]. Эти примеры фатических жанров сближают следующие свойства:

- присутствие большого числа маркеров интеграции (например, лексем совместности);
- особая роль отправителя сообщения, пользующегося статусом лидера, выступле-

ние которого не оспаривается и не получает ответа в виде аналогичного выступления;

– инспиративная (мобилизующая) функция, выражающаяся в побуждении коллективного адресата к предстоящим делам и в положительной проекции на будущее.

Очевидно, что президент США не может и не должен разделять свою страну и граждан на какие-либо группы, преследующие те или иные интересы. Поэтому в фатических выступлениях американских президентов доминирует фатика интеграции. Например: *The decisions **we** make over the next few years will have an enormous impact on **the country we live in, and the one we pass on to our children*** (Б. Обама, еженедельное субботнее видеообращение, 16 июня 2012 г.). Как видим, местоимения **we** и **our**, выполняя роль маркеров интеграции, подчеркивают, что американцы живут в одной стране и несут общую ответственность за ее будущее. Эти и другие маркеры интеграции присущи инаугурационным обращениям президента США, в которых призыв к американским гражданам как к единому народу является ключевым, например: *The success of **our economy** has always depended not just on the size of **our gross domestic product**, but on the reach of **our prosperity**, on the ability to extend opportunity to every willing heart — not out of charity, but because it is the surest route to **our common good*** (Б. Обама, 20 янв. 2009 г.).

Похожий объединительный смысл несет в себе и обращение президента Б. Обамы, посвященное борьбе с крупными пожарами в штате Колорадо летом 2012 г. Моменты непростых испытаний — это именно то время, когда людям необходимо объединяться, чтобы вместе противостоять угрозе: *One of the things that happens here in America is when we see **our fellow citizens** in trouble and having difficulty, **we come together as one American family, as one community*** (30 июня 2012 г.).

Конечно, самым серьезным испытанием в истории США последних десятилетий стали события 11 сентября 2001 г. и последовавшие за ними перемены во внешнеполитическом курсе. Первое субботнее радиообращение президента Дж. Буша-мл. после национальной трагедии изобиловало знаками интеграции: *In the past week, **we have seen the American people** at their very best everywhere in America. Citizens **have come together** to pray, to give blood, to fly **our country's flag**. Americans **are coming together to share their grief and gain strength from one another*** (15 сент. 2001 г.).

Интегративная функция взаимодействует в ритуальных (фатических) жанрах аме-

риканского президентского дискурса с инспиративной (мобилизующей). В этом случае задача президента состоит в том, чтобы вселить в аудиторию надежду на лучшее будущее, веру в успех своей деятельности, настроить сограждан на преодоление трудностей. Достаточно часто призыв к успешной работе в будущем подкрепляется примерами из славного прошлого страны: *With hope and virtue, **let us brave once more the icy currents, and endure what storms may come*** (Б. Обама, инаугурационное обращение, 20 янв. 2009 г.). По сути призыв к преодолению будущих трудностей является призывом продолжать дело своих предков. Современные реалии и будущие перспективы осмысливаются президентом именно с позиций исторического опыта, с точки зрения пройденного пути: *So let us mark this day with remembrance of who we are and how far we have traveled.*

Торжественные речи эпидейктического характера, согласно классической риторической традиции, заканчиваются побудительными предложениями и демонстрируют пересечение политического и религиозного дискурса, поскольку последние слова таких выступлений обращены к Богу: *God bless you and God bless the United States of America* (Дж. Буш-ст., инаугурационное обращение, 20 янв. 1989 г.).

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что в американском президентском дискурсе привилегированное право на речь и авторитетное мнение принадлежит избранному главе государства — президенту США, от которого исходит инициатива поддержания единства нации и ее сплочения для решения будущих проблем. Важно отметить, что уверенность президента в успехе этой инициативы основана на историческом опыте США, который дает примеры выхода страны из самых сложных ситуаций. Президенты США убеждены в том, что принцип преемственности и следование традициям прошлых лет обеспечат стране достойное будущее.

Вместе с тем в развитии любой системы, в том числе и института президентства США, наступает период изменений, и президент должен быть той ключевой фигурой, которая эти изменения начинает либо предвосхищает. Отдельный тип жанров президентского дискурса, которые становятся востребованными в ситуации смены власти и трансформации политического курса, образуют агональные жанры [Шейгал 2004]. Рассматривая политический дискурс как общение, ориентированное на борьбу за власть, следует признать, что агональные (сопоставительные)

жанры являются системообразующими для данного вида общения. Именно эти жанры обеспечивают **динамичность политического дискурса**. Прототипическим агональным жанром в политике является жанр дебатов, в котором интенция за властные ресурсы реализуется наиболее явно.

Агональные жанры политического дискурса предоставляют противоборствующим сторонам возможность для оппонирования. В связи с этим в данных жанрах используются такие коммуникативные стратегии, как акцентирование собственных заслуг и профессионального опыта, сомнение в профессионализме оппонента, критика оппонента.

Красноречивым свидетельством в пользу компетентности того или иного политика служит его успешная долгая карьера, накопленный управленческий опыт. Такой политик может вызвать симпатии граждан (столь необходимые, например, в предвыборной ситуации), что прекрасно понимают пиар-команды. Как показывает анализ президентских теледебатов в США последних лет, избирателям предлагается образ опытного, самостоятельного и компетентного руководителя: *I've been the governor for ten years. The governor is the person responsible for all sorts of things occurring in the state* (Дж. Буш-мл., 5 окт. 2000 г.); *I know how to lead international alliances* (Дж. Керри, 30 сент. 2004 г.); *When you know something is going wrong, you make it right. That's what I learnt in Vietnam. When I came back from that war, I saw that it was wrong. Some people didn't like the fact that I stood up in the Congress to say "No" but I did* (Дж. Керри, 30 сент. 2004 г.); *I have a record. I have a record of being involved in these national security issues, which involve the highest responsibility and the toughest decisions that any president can make, and that is to send our young men and women into harm's way* (Дж. Маккейн, 26 сент. 2008 г.); *I know how to get America working again, restore our economy and take care of working Americans. I know how to do that, my friends. And it's my proposal, it's not Senator Obama's proposal, it's not President Bush's proposal* (Дж. Маккейн, 7 окт. 2008 г.).

Жанр теледебатов кандидатов в президенты являет ситуацию открытого противостояния сторон, их непосредственной полемики, что способствует использованию тактики информационных ударов, критике в адрес оппонентов, высказыванию сомнений в их профессионализме и лидерских навыках. При этом чаще всего объектом критики становится действующий президент, пытающийся вновь стать первым лицом государства, либо его соратник-однопартиец.

(К такому же выводу приходят исследователи, разрабатывающие контент-анализ применительно к политической лингвистике [Современная политическая лингвистика 2011: 27].) Например, в 2004 г. президент Дж. Буш-мл. оказался в положении участника, вынужденного отвечать на претензии другого кандидата — Дж. Керри. Такая роль президента была связана с неоднозначными результатами его первого срока, особенно в сфере внешней политики: *The president has just talked about Iraq as the centre of the war on terror. Iraq was not even close to the centre of the war. He made a colossal error of judgement* (Дж. Керри, 30 сент. 2004 г.).

В 2008 г. кандидату в президенты от Республиканской партии США Дж. Маккейну стоило немалых усилий доказать свою политическую самостоятельность, поскольку его оппонент Б. Обама не упускал возможности напомнить избирателям о причастности Дж. Маккейна к ошибочному политическому курсу Дж. Буша и Республиканской партии: *We need to get our tax policies right so that they're good for the middle class, and we need to reverse the policies of the last eight years that got us into this fix in the first place and that Senator McCain supported* (7 окт. 2008 г.). Коммуникативная стратегия критики использована и в следующем высказывании: *Now, we also have to recognize that this is a final verdict on eight years of failed economic policies promoted by George Bush, supported by Senator McCain, a theory that basically says that we can shred regulations and consumer protections and give more and more to the most, and somehow prosperity will trickle down* (Б. Обама, 26 сент. 2008 г.).

В теледебатах 2012 г. кандидат Митт Ромни, критикуя своего оппонента (президента Б. Обаму), использовал в том числе местоимение второго лица *you*, хотя нормой для этого жанра общения в американской политической культуре является критика соперников в третьем лице: *You've been president four years. You said you'd cut the deficit in half. It's now four years later. We still have trillion-dollar deficits. The CBO says we'll have a trillion-dollar deficit each of the next four years. If you're re-elected, we'll get to a trillion-dollar debt*" (3 окт. 2012 г.). Напоминая президенту Б. Обаме и телезрителям о персональной ответственности главы государства за результаты политики администрации Белого дома, М. Ромни стремится представить соперника как человека, который не сдержал своего обещания и не сможет в будущем решить проблемы страны в экономической сфере. Неутешительные итоги четырех лет президентства Б. Обамы служат главным

аргументом, используемым М. Ромни в предвыборной полемике: *But that's not what you've done in the last four years. That's the problem. In the last four years, you cut permits and licenses on federal land and federal waters in half* (16 окт. 2012 г.).

Проведенный анализ президентского дискурса позволяет сделать вывод о том, что политическое общение определяется диалектическим взаимодействием двух на первый взгляд противоположных тенденций: с одной стороны, к борьбе за обладание властными ресурсами и динамичности, с другой — к устойчивости и сохранению уже существующего порядка их распределения. Однако между этими тенденциями нет непреодолимой границы. Скорее следует говорить о том, что политическая система испытывает потребность как в предсказуемом развитии в пределах какой-либо единой парадигмы отношений, статусов и принципов общения, так и в смене этих принципов.

Политический дискурс вырабатывает особые жанры и форматы общения для обеспечения этой потребности. Политическая борьба в обществе США подчиняется определенному временному циклу, который завершается избирательной кампанией и прямыми теледебатами, создающими ситуацию агонального общения. В остальное же время коммуникативно востребованными оказываются фатические жанры, т. е. такие жанры общения, которые не предполагают возможности пересмотра ролей участников общения и используемых ими дискурсивных стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрущенко М. А., Якубин А. Л. Политическое время: микро-, мезо- и макроуровни // Политическая наука : сб. науч. тр. — М. : ИНИОН, 2009. № 1 : Пространственно-временные измерения политики. С. 60—88.
2. Бурдые П. Социология политики. — М. : Socio-Logos, 1993.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002.
4. Кашкин В. Б. Введение в теорию дискурса. — М. : Восточная книга, 2010.
5. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации: краткий курс. 3-е изд. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007.
6. Политология : учеб. для студ. вузов / под ред. В. Н. Лавриненко. 3-е изд. — М. : Юнити-Дана, 2008.
7. Современная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.
8. Спиридовский О. В. Лингвокультурные характеристики президентской риторики как вида политического дискурса. — Воронеж : Наука-Юнипресс, 2011. (Аспекты языка и коммуникации : сер. моногр. ; вып. 6).
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
10. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М. : Прогресс, 1975. С. 193—230.
11. North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1990.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов